

Н. Г. Пашкин

*Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия*

У ИСТОКОВ ФЛОРЕНТИЙСКОЙ УНИИ: ВИЗАНТИЯ, СИГИЗМУНД ЛЮКСЕМБУРГ И АНТИПАПА ИОАНН XXIII

В статье рассматриваются исторические обстоятельства, в которых берет начало процесс переговоров о церковной унии между Византией и латинским Западом в XV в. Автор находит истоки этого процесса в письме венгерского короля Сигизмунда Люксембурга византийскому императору Мануилу II Палеологу. По данным новейшей историографии, оно появилось в первой половине 1412 г. На основе анализа источника делается вывод, что инициатива короля, которая, помимо идеи унии церквей, призвала восточного императора к совместной акции против турок, не была следствием обращения за помощью со стороны Византийской империи. Хотя Византия в тот момент переживала острый кризис в отношениях с османами, автор статьи доказывает, что целью восточного правителя был договор с одним из представителей османской династии. Препятствие на пути к этому усматривается в конфликте между королем Сигизмундом и Венецией. Особое место в нем исследователь отводит папе, избранному на Пизанском соборе, после которого Сигизмунд получил шансы на императорскую корону. В связи с этим раскрывается участие Византии в отношениях «пизанского» антипапы Иоанна XXIII с Венецией и венгерским королем. Автор устанавливает способ внедрения в дипломатический процесс идеи церковной унии и приходит к выводу, что это стало возможным в результате временного совпадения интересов папы и императора в разворачивающемся конфликте. Анализ международной обстановки и действий византийской дипломатии позволяет утверждать, что для Византии уния была формой выражения нейтралитета и инструментом посредничества в отношениях с государствами Запада. В этом заключался способ недопущения их военного вмешательства в ситуацию на Востоке и как результат условие выживания империи на принципах мирного сосуществования с турками.

Ключевые слова: Византия; Флорентийская уния; Пизанский собор; Сигизмунд Люксембург; Венеция; антипапа Иоанн XXIII; турки

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для ведущих научных школ РФ, проект № НШ-1548.2022.2 «Поздняя Византия: политические и социокультурные вызовы и ответы на них».

Н. Г. Пашкин

Цитирование: *Пашкин Н. Г.* У истоков Флорентийской унии: Византия, Сигизмунд Люксембург и антипапа Иоанн XXIII // *Античная древность и средние века.* 2022. Т. 50. С. 371–409. <https://doi.org/10.15826/adsv.2022.50.022>

Поступила в редакцию: 25.07.2022

Принята к печати: 11.10.2022

Nikolai G. Pashkin

*Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia*

**AT THE ORIGINS OF THE UNION OF FLORENCE:
BYZANTIUM, SIGISMUND OF LUXEMBOURG,
AND THE ANTIPOPE JOHN XXIII**

This article addresses historical circumstances under which the negotiations on the church union between Byzantium and Latin West started in the fifteenth century. The author finds the origins of the process in a letter from the Hungarian King Sigismund of Luxembourg to the Byzantine Emperor Manuel II Palaiologos. According to the most recent scholarship, it appeared in the first half of 1412. Taking the analysis of the source into account, it has been concluded that the King's initiative, which called the Eastern Emperor to take joint action against the Turks in addition to the idea of the union of churches, was not the result of the Byzantine Empire's appeal for help. Although Byzantium was experiencing an acute crisis in relations with the Ottomans at that time, the author of the article proves that the goal of the eastern ruler was an agreement with one of the representatives of the Ottoman dynasty. The obstacle to the agreement was the conflict between King Sigismund and Venice. The researcher assigns a special place in the said conflict to the Pope elected at the Council of Pisa, following which Sigismund got chances for the imperial crown. In this regard the participation of Byzantium in the relations of the "Pisan" Antipope John XXIII with Venice and the Hungarian King has been revealed. The author has determined the time and method of introducing the idea of the church union into the diplomatic process and has come to the conclusion that it became possible in result of the temporary coincidence of the interests of the Pope and the Emperor in the unfolding conflict. From the analysis of the international situation and actions of Byzantine diplomacy there are reasons to suppose that Byzantium viewed the union as the form to declare neutrality and the instrument of mediation in relations with Western states. It was the way to prevent their military intervention in the situation in the East and, in result, the condition for the survival of the Empire on the principles of peaceful coexistence with the Turks.

Keywords: Byzantium; Union of Florence; Council of Pisa; Sigismund of Luxembourg; Venice; Antipope John XXIII; Turks

Acknowledgements

The study was funded by the grant of the President of the Russian Federation for the leading academic schools of the Russian Federation, project no. NSh-1548.2022.2 *Late Byzantium: Political and Sociocultural Challenges and Responses to Them*.

For citation: Pashkin, N. G. (2022). U istokov Florentiiskoi unii: Vizantiia, Sigizmund Luksemburg i antipapa Ioann XXIII [At the Origins of the Union of Florence: Byzantium, Sigismund of Luxembourg, and the Antipope John XXIII]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 50, 371–409. <https://doi.org/10.15826/adsv.2022.50.022>

Submitted: 25.07.2022

Accepted: 11.10.2022

В истории отношений Византии с западнохристианским миром незадолго до турецкого завоевания, возможно, трудно найти более неоднозначное событие, чем Ферраро-Флорентийский собор 1438–1439 гг. Провозглашенная на нем уния латинской и греческой церквей, с одной стороны, выглядит как попытка византийцев предотвратить приближавшуюся катастрофу. С другой стороны, если судить по видимым последствиям, можно прийти к выводу, что Византией, несмотря на ее колоссальный дипломатический опыт, был выбран изначально тупиковый путь. Подобная оценка может касаться как выбранного средства, так и самой цели, под которой понимается стремление греков заручиться военной поддержкой Запада. Однако здесь и заключается вероятная ошибка. Результаты собора во Флоренции, внешне подтверждающие именно такой взгляд, на самом деле способны увести в сторону от понимания настоящей природы политического проекта, выступавшего в форме церковной унии. Не исключено, что в нем следует видеть вовсе не провал, а едва ли не последний пример высочайшего мастерства, присущего византийской дипломатии. Но чтобы прийти к такому выводу, предметом исследования должны стать обстоятельства, явившиеся точкой отсчета в долгом процессе, финалом которого считается Флорентийская уния.

Контакты между Западом и Востоком по вопросу воссоединения церквей продолжались более четверти века. Историография располагает обширным материалом, который дает представление о различных этапах этого пути¹. Собору во Флоренции

¹ Gill J. The Concile of Florence. Cambridge, 1959; Leidl A. Die Einheit der Kirchen auf den spätmittelalterlichen Konzilien: von Konstanz bis Florenz. Paderborn, 1966; Пашкин Н. Г. Византия в европейской политике первой половины XV в. Екатеринбург, 2007.

предшествовал церковный собор в Базеле (1431–1438/1449), но в качестве цели уния церквей была провозглашена гораздо раньше – на соборе в Констанце (1414–1418). Незадолго до его окончания эту цель провозгласил избранный там же папа Мартин V (1417–1431)². Однако едва заметный след, который проблема унии оставила в истории Констанцкого собора, уходит в еще более ранний период, приходящийся на заключительный этап Великой западной схизмы (1378–1417). Попыткой завершить ее считается Пизанский собор 1409 г. Именно в то время, когда римская церковь переживала внутренний раскол, вопрос о греко-латинской унии уже был поставлен на официальном уровне. Источники, которыми мы располагаем, позволяют отыскать этот момент в истории отношений Византии и венгерского короля Сигизмунда Люксембурга (1387–1437, с 1410/1411 г. – германский король, с 1433 г. – император).

Речь в данном случае идет об одном и, судя по всему, первом из трех дошедших до нас посланий Люксембурга византийскому императору Мануилу II Палеологу (1391–1425). Все они появились незадолго до Констанцкого собора и были опубликованы в первом томе «Acta concilii Constanciensis» (1896)³. Из них наиболее точно может быть датирован лишь последний документ – письмо, где содержалось предложение короля отправить византийское посольство на предстоящий собор. По всем признакам оно было написано в июне-июле 1414 г. Второй источник с высокой долей уверенности можно отнести к весне 1412 г. Основную же трудность представляет датировка именно первого письма, к содержанию которого и предстоит обратиться ниже. Издатель и первый комментатор текста Г. Финке вероятным временем его появления считал май-июнь 1411 г. Эта точка зрения не подвергалась сомнению до последнего времени. Лишь в новейшем исследовании С. Кольдица была выдвинута версия, согласно которой упомянутое послание возникло одновременно со вторым письмом и исходило не только от короля Сигизмунда, но и польского монарха Владислава II

² *Epistolae pontificiae ad concilium Florentinum spectantes* / ed. G. Hofmann. Roma, 1946. Vol. 1. P. 3–4.

³ *Acta Concilii Constanciensis* / Hrsg. von H. Finke. Münster, 1896. Bd. 1. № 111. S. 391–394; № 112. S. 394–399; № 113. S. 399–401 (далее – АСС).

Ягеллона (1386–1432)⁴. К этому вопросу еще предстоит вернуться, но прежде необходимо обратиться к содержанию документа.

В первой части послания Сигизмунд сообщал о намерении в скором времени выступить в поход против турок. Король выражал надежду, что правитель из Константинополя поддержит его⁵. Далее следовало предложение обсудить с ним идею унии восточной и западной церквей, чтобы крепче связать силы христиан в предстоящей битве⁶. Здесь и возникает первая проблема. Если обращение Люксембурга с предложением о союзе с Византией против османов может показаться естественным, то его же попытка привязать к нему вопрос воссоединения церквей не поддается простому объяснению. Уния не фигурировала в контексте документа как встречное условие византийской стороне. На борьбу с турками ее призывал сам германский король. Затеваемый им разговор явно имел и еще какое-то значение, скрытое между строк.

Момент, к которому относится появление рассматриваемого источника, был непростым ввиду церковной ситуации на Западе. После Пизанского собора 1409 г. в Европе было уже три папы. В таких условиях вероятные переговоры венгерского короля и византийского императора о церковной унии не могли состояться без официального признания обоими правителями одного из них. Следовательно, инициатива Сигизмунда с обращением в Константинополь должна была появиться не ранее, чем определилась его позиция с выбором законного понтифика. И потому встает вопрос: была ли связь между позицией короля в церковных делах и необходимостью его контакта с византийским императором одновременно по двум вопросам – об унии и о турках? Если дело обстояло именно так, то по какой-то причине для Люксембурга в одной точке пересеклись сразу три проблемы – вектор его политики в западной схизме, отношения с Византией и турецкий фактор. Что могло объединить их в единый узел? На этот счет можно высказать мнение, согласно которому

⁴ Kolditz S. Byzanz und das Konstanzer Konzil (1414–1418). Beobachtungen zur griechischen Präsenz und zur vorkonziliaren Korrespondenz Sigismunds und Manuels II // JÖB. 2017. Bd. 67. S. 46–50.

⁵ ACC. Bd. 1. № 111. S. 391, 25–392, 18.

⁶ Ibid. S. 392, 35–394, 19.

церковная уния с греками была нужна Сигизмунду, чтобы ускорить завершение раскола римской церкви, положив конец сразу обеим схизмам. В подобном свете выглядит закономерной его попытка идеей антитурецкой коалиции привлечь на свою сторону греков. Но здесь кроется другая проблема, с которой мы имеем дело, обращаясь к источнику.

Еще ранний исследователь церковной политики Люксембурга Й. Геллер при рассмотрении этого документа допускал, что посланию венгерского короля могла предшествовать просьба византийского императора о военной помощи против турок⁷. Однако подобное предположение не подтверждается никакими другими источниками. Единственным основанием для него является беглое упоминание автором письма о византийском дипломате Мануиле Хрисолоре, действительно пребывавшем тогда на Западе. Впрочем, характер контекста, в котором фигурирует это имя, не позволяет однозначно утверждать, что идея Сигизмунда была реакцией на прямой запрос с Востока. Дальнейшее исследование скорее докажет иное – невозможность в тот самый момент подобного обращения императора Византии к королю. Предполагая совпадение интересов обеих сторон на антитурецкой основе, легко также прийти в противоречие с фактами. Ответа из Константинополя на королевское послание в виде продолжения переговоров по какой-то причине не последовало. Об этом говорит не только отсутствие документального тому подтверждения. Последнее из трех упомянутых обращений Люксембурга к византийскому императору, которое содержало приглашение к участию в предстоящем Констанцском соборе, уже совершенно не затрагивало проблему унии. На таком фоне ситуация из источника выглядит несколько странно: не Византия ищет на Западе помощь против османов, как обычно считается, а один из крупных европейских правителей предлагает ее, но встречного отклика не получает. Выдвигаемая одновременно им же идея объединения церквей еще более затрудняет понимание смысла всего происходящего. Очевидно, здесь решался вопрос не только о турках. Речь должна была идти о гораздо более сложном предмете, подынявшем

⁷ Gölter E. König Sigismunds Kirchenpolitik vom Tode Bonifaz' IX bis zur Berufung des Konstanzer Konzils (1404–1413). Freiburg/Br., 1902. S. 136.

такую важную для отношений Византии и Запада тему переговоров. И на этом трудности, связанные с трактовкой текста, не заканчиваются.

Обращение венгерского короля к императору ромеев требовало в какой-то форме мотивировать содержавшиеся в нем предложения. Но достаточно вчитаться в дипломатический язык, чтобы и здесь появились вопросы. Замысел войны с турками излагался Сигизмундом в духе классической концепции крестового похода. За риторическим введением следовал призыв к императору Византии присоединиться к намеченному мероприятию: «Но для того чтобы надежнее можно было осуществить это, в глубоких раздумьях, обсудив на совете, мы пришли к мысли, если будете согласны, охотно принять Вас в состав нашего предвозвещенного братства... Ведь Вам по опыту будто бы более известны пути, средства и план относительно того, как можно лучше и совершеннее поступать против турок...» (*At ut salubrius id peragere possimus consilio deliberato alta mente concepimus vos, si placet, in predictae fraternitatis nostrae participium gratanter associare... Vobis enim tamquam magis experto notiores sunt vie, modi et ordo, qualiter melius et efficacius procedi posset contra Turcos...*)⁸. В этом фрагменте ничто не указывает на ответный характер инициативы короля. Напротив, четко сказано, что решение он принял после глубоких раздумий. Таким образом, идея антитурецкой коалиции преподносилась как целиком исходящая от самого автора, который обосновывал ее тем, что на Востоке якобы лучше знают врага и, следовательно, те средства, которыми можно быстрее и надежнее победить его. Имеет место и еще одна характерная деталь: приглашение греков к участию в будущем походе не выглядит как предложение помощи; ничего не говорится об опасности со стороны турок, грозящей самой Восточной империи. В тексте не обнаруживается никаких следов не только обращения Византии за поддержкой, но и никакого иного исходящего от нее повода, который позволил бы аргументировать необходимость военного союза. В ход идет апелляция лишь к некоему имеющемуся у византийцев опыту, полезному для борьбы с турками, но не говорится даже о вражде между ними. Турки предстают скорее как потенциальный, нежели реальный враг ромеев.

⁸ ACC. Bd. 1. № 111. S. 392, 3–14.

Не меньше вопросов ставит перед нами анализ другой части документа, где речь заходит об унии церквей. В историографии, как правило, основное внимание обращается на сам факт такого предложения Сигизмунда. Однако заставляет серьезно задуматься именно повод, который он использует, чтобы заговорить на эту тему: «Из сообщения, заслуживающего доверия, мы узнали, что Вы склоняетесь к мысли о том, чтобы церкви греческая и римская объединились» (*Accepimus profecto fide digna relatione, quod vestra intentio versatur et aspirat ad hoc, qualiter ecclesia Greca uniri posset cum sacrosancta Romana ecclesia*)⁹. Пожалуй, отсюда и начинается отсчет истории переговоров о церковной унии между Византией и Западом в XV в. Однако это начало выглядит довольно загадочно. В первой части письма король, хотя и крайне ненавязчиво, но все-таки сам выступает как инициатор совместных действий против османов. Напротив, разговор о церковной унии начинается принципиально иначе. Сигизмунд ссылается на якобы дошедшее до него мнение по указанному вопросу византийского императора. Правда, сказано об этом в очень странной форме. Люксембург не мог сказать, от кого, где и когда он узнал об умонастроении восточного правителя. Следовательно, с одной стороны, можно и здесь утверждать, что никакого предварительного обращения императора не было. В роли официального инициатора переговоров по церковной унии тоже выступал не кто иной, как сам венгерский король. С другой стороны, у Сигизмунда были какие-то основания считать, что в Константинополе тоже готовы к переговорам, хотя тон обращения явно допускал вероятность любого ответа. На Востоке могли заявить об отсутствии на самом деле у императора тех взглядов, которые Сигизмунд ему приписал. А потому напрашивается вывод, что если идею церковной унии Византия и готова была поддержать, то лишь при каком-то условии. Имеются сомнения в том, что таким условием должно было стать параллельное предложение союза против турок.

Основания для подобных сомнений возникают, если обратить внимание на следующий факт. Сообщая о якобы известном ему стремлении византийского императора к церковной унии, король не преподнес именно этот мотив как повод, пробудивший

⁹ ACC. Bd. 1. № 111. S. 392, 35–393, 1.

в нем мысль о крестовом походе. Следовательно, у него не было оснований считать, что в Византии преследуют такую цель, даже если там действительно готовы поддержать идею воссоединения церквей. В дальнейшем тексте, правда, автор письма все же объединил две задачи, связав их утверждением, что единство христиан сумеет крепче связать обоих правителей в борьбе с иноверцами¹⁰. Однако выглядит такая констатация уже как собственное мнение, не вытекающее из настроения восточного императора, а скорее призванное убедить его. Здесь окончательно встает вопрос: если не союз против турок, то какой смысл для Византии был в том, чтобы Сигизмунд мог начать переговоры, касающиеся унии? В какой форме он получил соответствующий повод и какую цель ставил перед собой, вступая в контакт?

Развивая тему церковной унии, Люксембург сообщал, что еще до этого письма заранее изложил свою точку зрения папе Иоанну XXIII (1410–1415). Особого внимания заслуживает акцент на легитимности упоминавшегося понтифика: «единственный, законный папа» (*unicus, verus papa*)¹¹. Это имело особое значение в реалиях продолжавшейся латинской схизмы. Предложения, касающиеся унии, и ответ папы король, по его же словам, отправлял вместе с письмом. Очевидно, те документы для нас не сохранились, но в письме говорилось о том, что их содержание уже могло быть известным в Константинополе через Мануила Хрисолору. Сигизмунд писал, что этот близкий к императору человек в тот момент был рядом с папой¹². Следовательно, он находился в Риме, и данный факт подтверждается также другими сведениями о его биографии¹³. На Хрисолору, вероятно, была возложена какая-то миссия, но характер ее выглядит крайне

¹⁰ ACC. Bd. 1. № 111. S. 393, 11–22.

¹¹ Ibid. S. 393, 2–3.

¹² Ibid. S. 393, 4–10: ...super premissio unionis negotio nos Sigismunus rex longe ante providentes quosdam articulos de mente nostra formatos sue sanctitati destinaveramus, de quibus articulis et responsione papali superinde vestre magnitudini potuit innotescere per Manuelem nuncium tunc ibi presentem et, ut in his vestre notitie uberius clareat certitudo, articulos ipsos cum responsiva summi pontificis hic fecimus annotari.

¹³ *Thorn-Wickert L. Manuel Chrysoloras. Eine Biographie des byzantinischen Intellektuellen vor dem Hintergrund der hellenistischen Studien in der italienischen Renaissance. Frankfurt/M., 2006. S. 86–96.*

неоднозначно. Во-первых, в источнике ничто не указывает на факт переговоров византийца как с понтификом, так и с королем. Во-вторых, явно не случайно Сигизмунд употребил формулировку, которая допускала лишь вероятность осведомленности императора через Мануила. Подобная тональность говорит о том, что тот не располагал никаким мандатом и не выступал в качестве официального посла. Это находит подтверждение и в том, что в тексте он обозначен как *nuncius*. Позднее в другом послании на Восток Сигизмунд называл побывавшего у него Иоанна Хрисолору, приходившегося Мануилу младшим родственником, уже не иначе, как *ambassador*, что не оставляет сомнений в его дипломатическом статусе¹⁴. Мануил же, возможно, подобного статуса не имел. Однако возникает предположение, что именно с ним каким-то образом был связан повод, позволивший королю поднять вопрос об унии.

Подводя промежуточные итоги, можно констатировать, что к моменту отправления письма идея унии уже стала предметом переговоров Сигизмунда с папой по инициативе короля. Ни по каким формальным признакам Византия не имела прямого отношения ни к данной инициативе, ни к ее обсуждению на Западе. В результате с предложением к императору выходил непосредственно Сигизмунд. Оно не было отправлено в Константинополь через Мануила Хрисолору ни самим королем, ни понтификом. Если у Хрисолоры к тому же отсутствовали дипломатические полномочия, то мы вправе допустить, что император тем самым сознательно исключил такую возможность. О каком-либо, даже неофициальном контакте Люксембурга с греком и вовсе ничего не известно.

Завершая анализ документа, обратим внимание, что в письме были прямо обозначены предполагаемые время и место для предварительных переговоров. По словам Люксембурга, папа Иоанн XXIII готовился в скором времени созвать собор¹⁵. В связи с этим король предлагал греческим дипломатам прибыть туда, чтобы обсудить предварительные условия унии восточной и западной церквей¹⁶. Какой собор, созываемый папой, Сигизмунд здесь имел в виду, историкам хорошо известно. Иоанн XXIII

¹⁴ ACC. Bd. 1. № 113. S. 400, 1.

¹⁵ Ibid. № 111. S. 393, 2–3.

¹⁶ Ibid. S. 393, 24–31.

за время своего понтификата открывал собор лишь однажды – в апреле 1412 г. в Риме. Решение о его созыве он опубликовал годом ранее – в апреле 1411 г.¹⁷ Именно на основании этого факта Г. Финке строил предположение, что письмо Люксембурга вышло в мае или не позднее июня 1411 г., после того как папский декрет дошел до короля. Важно подчеркнуть, что самим фактом приглашения греческого посольства на Римский собор Сигизмунд косвенно давал понять, что понтифик поддерживает идею переговоров с Востоком. Некий ответ папы даже прилагался к письму. Правда, и здесь все выглядит не так просто. С одной стороны, отношение Иоанна XXIII к инициативе Люксембурга представляется ясным. С другой стороны, приглашение все-таки исходило от короля. Теоретически переговоры могли начаться с его формального предложения папе принять греческую делегацию. Но сначала сами греки должны были отозваться на призыв Сигизмунда. Если в дальнейшем отклика на него не последовало, а переговоры не начались, то это означает, что условия, которые требовались византийцам, в тот момент отсутствовали. Очевидно, предварительное соглашение короля с понтификом к таким условиям тоже не относилось.

Решение поставленных задач целесообразно начать с эпизода, в котором впервые фиксируется контакт всех трех интересующих нас сторон – Люксембурга, папы Иоанна XXIII и византийского императора. Он имел место несколько раньше, чем было отправлено письмо Сигизмунда в Константинополь, и еще до того, как он стал римским королем. Примерно в середине июня 1410 г. в Болонью, где тогда находилась папская резиденция, прибыл венгерский посол, роль которого исполнял находившийся на службе у Сигизмунда флорентиец Филиппо дельи Сколари (псевдоним – Пиппо Спано). Избрание Иоанна XXIII состоялось всего за месяц до его визита. В момент встречи нового понтифика с представителем венгерского двора в Болонье присутствовали два грека. Это были уже упомянутые Мануил Хрисолора и его племянник Иоанн¹⁸. Ни один источник не дает

¹⁷ ACC. Bd. 1. № 30. S. 127–131.

¹⁸ *Thorn-Wickert L. Manuel Chrysoloras...* S. 80–83; *Beckmann G. Der Kampf Kaiser Sigmunds gegen die werdende Weltmacht der Osmanen.* Gotha, 1902. S. 25–27, 35–36, 117–118.

прямого ответа на вопрос о причинах их появления там. Решение проблемы, пожалуй, подсказывает фигура младшего Хрисостомора – Иоанна, оказавшегося на месте раньше всех остальных участников встречи. Известно, что его путь туда из Константинополя был открыт 25 декабря 1409 г. письмом императора предшественнику Иоанна XXIII – папе Александру V (1409–1410)¹⁹. Последний чуть ранее был избран на Пизанском соборе. В том событии и необходимо искать какие-то истоки болонских переговоров. Возможно, от них тянется нить к посланию короля Сигизмунда императору Византии.

Пизанский собор известен в истории неудачной попыткой покончить с латинской схизмой, которая еще в 1378 г. расколола западную церковь между Римом и Авиньоном. В 1409 г. представители обеих кардинальских коллегий собрались в Пизе, где было принято решение о низложении двух антипап – «итальянского» Григория XII (1406–1415) и «французского» Бенедикта XIII (1394–1423). Оба соперника не явились на собор и не признали его. Раскол не был ликвидирован, а к двум антипапам теперь добавился третий – Александр V. Бенедикт XIII бежал в Испанию. Григорий XII был взят под покровительство правителем Неаполя Владиславом Дураццо (1386–1414). Но если рассматривать это событие сквозь призму политических процессов, то его последствия выглядят гораздо более серьезными. Пизанский собор был подготовлен и проведен благодаря альянсу Флоренции, чьим владением была Пиза, и французской короны, которая прежде поддерживала авиньонскую линию пап²⁰. Для Флоренции новый папа, провозглашенный на соборе, мог послужить гарантией ее безопасности от наступающего с юга Неаполя, правитель которого представлял Анжуйскую династию. Против него Флоренция нашла поддержку в лице анжуйского герцога Людовика II (1384–1417), представлявшего конкурирующую с Владиславом

¹⁹ *Dölger F.* Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565 bis 1453. München ; Berlin, 1965. Bd. 5. № 3326. Латинский текст этого послания см.: *Simonsfeld H.* Analekten zur Papst- und Konziliengeschichte im 14. und 15. Jahrhundert // Abhandlungen der historischen Klasse der königlichen Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 1893. Bd. 20. S. 45–46.

²⁰ *Girgensohn D.* Von der konziliaren Theorie des späteren Mittelalters zur Praxis: Pisa 1409 // Vorträge und Forschungen. 2007. Bd. 67: Die Konzilien von Pisa (1409), Konstanz (1414–1418) und Basel (1431–1449). S. 61–94.

династическую ветвь, также имевшую претензии на неаполитанскую корону. В противостоянии Флоренции и Неаполя решающее значение имел контроль над столицей Папской области, а потому еще в 1408 г. Владислав захватил Рим, не дожидаясь, когда на город предъявит права «пизанская» партия.

Накануне собора к коалиции его сторонников присоединился английский король Генрих IV (1399–1413). Общая церковная линия объединила Англию и герцога Бургундского, направлявшего политику Франции после 1407 г. Но особенно сложная ситуация, усугубленная церковным кризисом, наблюдалась в землях Священной Римской империи. Здесь обострение схизмы накладывалось на уже существовавший политический раскол между князьями. Еще в 1400 г. курфюрсты объявили низложенным римско-германского короля Венцеля Люксембурга (1376–1400), обладателя чешской короны (король Чехии под именем Вацлав IV, 1378–1419), приходившегося старшим братом правителю Венгрии Сигизмунду. В вину Венцелю, среди прочего, ставили необоснованное пожалование герцогского титула правителю Милана Джан Галеаццо (1395–1402), посчитав это отчуждением от Империи ее ленных прав в Италии. На место Венцеля был избран королем рейнский пфальцграф Рупрехт III (1400–1410). Однако Венцель не признал факт своего низложения, и теперь ему предоставлялась возможность политического реванша. Рупрехт остался верен папе Григорию XII. Но часть курфюрстов признала Пизанский собор. При их участии в тот же лагерь перешел и Венцель, после чего собор, а затем и новый папа Александр V подтвердили его права на титул римского короля. Более того, стороны заключили договор, по которому понтифик обещал Венцелю императорскую корону, если в течение года тот совершит поход на Рим и отвоюет его у Владислава²¹. Шансы на это были крайне невелики. В мае 1410 г. Рим будет отбит у неаполитанского короля силами французов, спонсируемых Флоренцией. Однако в лице Венцеля в политическую игру на стороне нового антипапы вводилась Империя.

Самым загадочным в тех событиях выглядит поведение Венении. Республика Св. Марка первоначально не входила в число

²¹ Deutsche Reichstagsakten / Hrsg. von J. Weizsäcker. Gotha, 1888. Bd. 6. № 321. S. 592–598; Göller E. König Sigismunds Kirchenpolitik... S. 66.

сторонников Пизанского собора. Но если сама идея его созрела в недрах Парижского университета, то первой предпосылкой на пути к собору явилось избрание «итальянского» папы Григория XII, каковым стал не кто иной, как венецианский аристократ Антонио Коррер. Условием избрания венецианца стала его клятва кардиналам в том, что он обязуется вступить в переговоры с Бенедиктом XIII о возможности добровольного отречения их обоих²². Правда, запланированная встреча двух антипап так и не состоялась. Вместо них к соглашению пришли группы разорвавших со своими папами кардиналов, в конечном итоге собравшиеся в Пизе под покровительством Флоренции. Венеция тем временем формально оставалась в лагере своего соотечественника Григория XII. Однако нельзя не заметить, что на Пизанском соборе новым папой, принявшим имя Александра V, был избран Педро Филарг – грек крито-венецианского происхождения и бывший архиепископ Милана. Можно сказать, что в выборе кандидата на роль нового понтифика проявилась максимальная лояльность по отношению к его бывшей метрополии. Создается впечатление, что с того момента, когда венецианец, ставший папой Григорием XII, был вынужден допустить возможность своего отречения, Республику Св. Марка незаметно толкали к участию в политическом сценарии, разыгрывавшемся за кулисами Пизанского собора. Через «пизанского» папу, возможно, была предпринята попытка принудить Венецию считаться с интересами Флоренции.

В начале XV в. Флоренция переживала стремительный подъем, следствием которого были новые, отсутствовавшие у нее прежде амбиции. Пользуясь временным упадком Милана, флорентийцы в 1406 г. установили контроль над Пизой, после чего могли претендовать на потенциал бывшей морской республики. Как ни странно, но морские амбиции Флоренции не привели ее к открытому соперничеству с Венецией. Это можно объяснить лишь тем, что оба государства были критически зависимы друг от друга. Действительно, с точки зрения Венеции, Флоренция могла перехватить у Генуи роль основного конкурента Республики Св. Марка. Но гораздо важнее было то, что как для Венеции, так и для Флоренции одинаково опасной являлась угроза, кото-

²² *Girgensohn D. Von der konziliaren Theorie des späteren Mittelalters zur Praxix... S. 70–71.*

рую мог создать альянс Генуи с Миланом. Она становилась еще более серьезной в случае поддержки такого альянса со стороны французской короны или Империи, между которыми балансировала Бургундия. Однако преимущество в паре, связывавшей две республики, объективно все-таки принадлежало Венеции. В силу расположения внутри полуострова Флоренция была крайне уязвимой с двух сторон и потому лишена возможности маневра. Для своей безопасности ей требовался надежный заслон. На юге роль такого заслона играл Рим. Во-первых, он служил буфером, разделяющим Флоренцию и еще один центр силы – Неаполитанское королевство. Во-вторых, контроль над Римом предотвращал вероятность проникновения на юг сил, расположенных за Альпами и имеющих претензии на Неаполь. По отношению к ним роль аналогичного буфера для Флоренции на севере должен был играть Милан, который для этого следовало нейтрализовать. Последнее условие достигалось путем недопущения альянса между Миланом и континентальными центрами. Против угрозы подобного альянса и был направлен расклад сил за Альпами, выстроенный в процессе истории Пизанского собора. Здесь действовали Империя, Англия и стоявшая между ними Франция. Последняя была разделена между группировками орлеанистов и бургиньонов, а в Империи между двумя группировками князей стоял фактор схизмы. Манипулируя этими силами, группируя и сталкивая одних с другими, можно было эффективно препятствовать созданию сильного блока, способного извне нарушить политическое равновесие в Италии. В самой Италии фигурой, удерживавшей это равновесие, оказывался папа. Дальше все решал вопрос о том, кто будет им управлять. Похоже, именно здесь Флоренция попыталась частично обойти преимущества, которыми по отношению к ней располагала Венеция.

Пизанский собор создал ситуацию, при которой как французская корона через герцога Анжуйского, так и Империя в лице Люксембургов получили возможность вступить в борьбу за Рим на стороне новоизбранного понтифика против неаполитанского короля. Но в Пизе, как уже было сказано, миссия похода в Италию была поручена именно Венцелю Люксембургу в обмен на обещание императорской короны. Сложно не усмотреть в этом попытку уравновесить французский фактор. Однако дело

было не только в нем. Самый надежный путь для гипотетической экспедиции римско-германского короля вглубь полуострова лежал через континентальные владения Венецианской республики – терраферму. Это подразумевало необходимость предварительного соглашения с Венецией. В случае отказа венецианцев допустить короля на свою территорию альтернативой для него становилось направление, ведущее через Ломбардию. Такой вариант означал бы покушение на нейтральный статус Милана – либо в форме его подчинения, либо в форме союзного договора. Но альянс Империи с Миланом был тем более недопустим для Венеции. То же самое, впрочем, было неприемлемо и для Флоренции. Последняя, таким образом, подталкивала морскую Республику Св. Марка к соглашению с Империей, не вступая в противоречие с собственными интересами.

Принципы такого соглашения исходили из того, что «пизанский» папа будет поставлен в зависимость от воли венецианцев гарантировать ему связь с Империей, необходимой понтифику для нейтрализации Неаполя. Империи же такая связь с папой через посредство Венеции служила гарантией недопущения в Италию французов. В результате сама Венеция получала возможность управлять итальянским вектором имперской политики, используя его как инструмент, обеспечивающий изоляцию Неаполя и сдерживание Милана. Одновременно, становясь гарантом имперского присутствия на полуострове, она могла решить проблему неприкосновенности своего континентального анклава, который усиленно создавала в начале XV в. Чтобы подобная схема заработала, Венеция должна была признать итоги Пизанского собора. Однако они, кроме всего прочего, включали в себя право на императорскую корону представителя дома Люксембургов. Похоже, что именно здесь для морской республики начиналась своеобразная красная линия.

Как показали дальнейшие события, фигура правителя Богемии Венцеля, признанного в Пизе римским королем, на самом деле была лишь тенью, прикрывавшей будущее выдвижение на эту роль его брата – венгерского короля Сигизмунда. Потому перед Венцелем и было поставлено фактически невыполнимое условие – в течение года отбить Рим у неаполитанского правителя. Но если занять место Венцеля в скором времени предстояло

Сигизмунду, то Венеция оказывалась перед перспективой такого договора с Империей, который потребовал бы от нее предварительного соглашения с венгерской короной. Проблема заключалась в том, что к тому моменту в отношениях между ними назревали серьезные противоречия. Их причиной стала разворачивающаяся борьба за Далмацию.

Примечательно, что зарождение кризиса вокруг Далмации началось практически синхронно с теми событиями, с которых начиналась история Пизанского собора. Судьба западного побережья Адриатики ранее была решена условиями Туринского договора 1381 г., закрепившего итоги Кьоджской войны (1378–1381). В нем Далмация была признана владением венгерской короны, доставшейся через шесть лет Сигизмунду Люксембургу. Однако, в силу исторических обстоятельств, права Люксембургов на Венгрию оспаривала именно та линия Анжуйского дома, к которой принадлежал Владислав Дураццо, взошедший на трон в Неаполе в 1386 г. Еще в начале XV в. обстановка в Далмации выглядела не в пользу Люксембурга. В основных ее центрах правили боснийские магнаты в качестве номинальных вассалов Неаполя. Впрочем, такая ситуация вполне устраивала Венецию, так как именно она в результате контролировала сообщение между Адриатикой и Центральной Европой.

В 1407–1408 гг. ситуация на западе Балканского полуострова начала стремительно меняться. Походы Сигизмунда в Боснию привели к установлению над ней венгерского протектората и формированию союзной Венгрии группировки среди боснийских воевод. Теперь, когда перспектива отвоевания венграми Далмации казалась все более близкой, отвлечение сил на другое направление выглядело странно, однако параллельно в политике Люксембурга обнаружился новый вектор, который нацеливал его на борьбу с турками. Прямой угрозы для него они в тот момент не представляли, но в 1407 г. Сигизмунд обратился к папе Григорию XII с просьбой поддержать идею крестового похода. Папа действительно издал буллу соответствующего содержания²³. В том же году Сигизмунд направил Венеции предложение об участии в походе. Но в июле 1407 г. сенат отклонил его

²³ *Göller E. König Sigismunds Kirchenpolitik... S. 23.*

просьбу²⁴. Уже осенью следующего года король вновь предложил венецианцам план совместной военной операции. Он предусматривал отвоевание у турок крепости Галлиполи на Дарданеллах. Для его осуществления Люксембург просил республику о выделении восьми боевых галер²⁵.

Статус Галлиполи был определен за пять лет до этого в коллективном договоре, заключенном там же в 1403 г. после битвы при Анкаре. В ней армия турецкого султана Баязида I (1389–1402) потерпела поражение от среднеазиатского правителя Тимура (1370–1405), после чего судьба европейской части турецких владений решалась при участии христианских государств. Главными участниками того соглашения были Византия, Венеция, Генуя, Сербия, а с турецкой стороны – старший сын Баязида I – Сулейман I (1402–1411), вступивший на османский престол в Адрианополе²⁶. Новой реальностью стал раскол османской державы. Договор, заключенный в Галлиполи, позволил Сулейману закрепиться в Румелии, но запад Анатолии контролировал его брат Мехмед. И если власть первого из них основывалась на принципах компромисса с христианскими соседями, то второй был обязан своим положением в первую очередь лояльности турецких бейликов. В результате возник хрупкий баланс, в котором на одной стороне был договор Сулеймана с христианской лигой в Европе, на другой – альянс Мехмеда с непредсказуемыми главами бейликов в Азии. Линия разделения прошла через проливы. Равный доступ к ним для двух итальянских республик – Венеции и Генуи – был одним из важнейших условий поддержания выстроенного баланса. Константинополь и Галлиполи были ключами к проливам, и архитектура вышеупомянутого договора с Сулейманом разумно разделила их путем сохранения крепости на Дарданеллах за турками, тем самым исключив возможность монопольного контроля над морскими коммуникациями. Принципом, закрепляющим этот порядок, становился союз византийского императора с правителем турецкой Румелии.

²⁴ Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium / ed. S. Lubić. Zagreb, 1875. Vol. 5. P. 99–100 (далее – MSM).

²⁵ Beckmann G. Der Kampf Kaiser Sigmunds... S. 11.

²⁶ Dennis G. The Byzantine-Turkish Treaty of 1403 // OCP. 1967. Vol. 33. P. 72–88.

Именно порядок отношений, основанный на договоре 1403 г., король Венгрии намеревался разрушить своими военными инициативами. Предлагаемый им захват Галлиполи в союзе с венецианцами неизбежно ставил вопрос о его дальнейшей принадлежности. Наиболее естественным решением выглядело возвращение крепости византийскому императору. Последнее автоматически вело к союзу обеих держав с Византией, но формально означало принцип монопольной власти над проливами, переходившей к Константинополю. Именно венгерский король мог максимально выиграть от этого: требуемый для использования проливов союз Венеции с Византией вынуждал бы республику к союзным отношениям и с венгерской короной. Вопрос о Далмации тогда решался бы в пользу последней. Несложно было предсказать, что Венеция будет всеми способами противодействовать этому. Когда за полгода до Пизанского собора Люксембург выступил с идеей захвата Галлиполи, венецианский сенат дал ответ, суть которого сводилась к тому, что прежде следует выяснить мнение других христианских государей²⁷. Понять дипломатический намек было нетрудно: Венеции было важно знать, ведет ли Сигизмунд переговоры по этому вопросу с византийским императором. В Константинополе должны были иметь сведения о его намерениях и просчитывать их возможные последствия. Политика короля все сильнее угрожала интересам морской республики, а конфликт между ними был тем и опасен для Византии, что грозил вместе с договором 1403 г. разрушить мирное сосуществование ее с турками.

В свете всего сказанного становится понятной загадочная позиция венгерского короля в церковном вопросе. Действительно, следов участия Сигизмунда в истории Пизанского собора не обнаруживается. По отношению к избранному там папе он также хранил молчание; формально король не отзывал своего признания Григория XII, но ничем и не подтверждал его. Объяснить этот факт можно тем, что Люксембургу, прежде чем вступить в отношения с «пизанским» понтификом, сначала требовалось дожидаться его признания Венецией. Этот шаг с ее стороны расценивался бы как фактическое согласие республики с предстоящим выдвижением венгерского короля на роль предводителя Империи. Творцы Пизанского собора изначально видели свою цель в том, чтобы вклю-

²⁷ MSM. Vol. 5. P. 136–138.

чить Венецию в ось, соединяющую Рим с императорской короной. Ввиду того что Империю готовили к унии с Венгрией в лице Сигизмунда, республике действительно пришлось бы связать себя с ним союзными обязательствами. Это означало вступление в коалицию с Люксембургом против турок и признание реальной власти венгерской короны над Далмацией. Если бы Венеция не согласилась с подобными условиями, ей могла угрожать вероятность прямого, без ее участия, альянса Сигизмунда с папой. Подобная комбинация была опасна для ее интересов тем, что дальше под вопросом оказался бы нейтралитет Милана и Неаполя.

По окончании Пизанского собора ответ Венеции не заставил себя долго ждать. Избрание Александра V состоялось 26 июня 1409 г. Но первой реакцией республики стало вовсе не признание нового понтифика, а сделка с неаполитанским королем Владиславом, заключенная почти молниеносно спустя всего две недели. По условиям договора от 9 июля Венеция выкупила у Владислава как у титулярного обладателя венгерской короны ее номинальные права на Далмацию²⁸. Лишь затем, в конце августа 1409 г., сенат проголосовал за признание избранного собором папы²⁹. С этого момента Венеция вступала на путь с непредсказуемым финалом. Своими действиями она фактически дала понять, что согласится открыть Сигизмунду дорогу к получению императорской короны из рук «пизанского» понтифика, только если Люксембург ради нее пожертвует интересами Венгрии. Риск состоял в том, что в итоге республика могла получить конфликт и с Венгрией, и с Империей одновременно. Первым предостережением для нее стало уже то, что принятое ею решение признать результаты собора не вызвало такой же реакции венгерского короля.

С развитием ситуации на Западе следует связать события, развернувшиеся в это же время на Востоке. Именно осенью 1409 г. начинается новая фаза междоусобицы внутри османской династии, в ходе которой столкнулись наследники Баязида I.

²⁸ *Wakouning M.* Dalmatien und Friaul. Die Auseinandersetzungen zwischen Sigismund von Luxemburg und der Republik Venedig um die Vorherrschaft im adriatischen Raum. Wien, 1990. S. 67.

²⁹ *Göller E.* König Sigismunds Kirchenpolitik... S. 197–199; *Girgensohn D.* Kirche, Politik und adelige Regierung in der Republik Venedig zu Beginn des 15. Jahrhunderts. Göttingen, 1996. Bd. 1. S. 337–343.

Из Синопа на неизвестном корабле в Валахию переправился третий из его сыновей – Муса Челеби, вступивший в борьбу с Сулейманом³⁰. По всем признакам, разразившийся конфликт служил интересам Венеции. Смута на Балканах грозила полностью разрушить все достижения Сигизмунда в регионе за предыдущие годы. В конце 1409 г. масштаб надвигающегося кризиса был уже очевиден. В этот момент император Мануил II и отправил послание «пизанскому» папе Александру V³¹. Правитель начал его с поздравления понтифика в связи с тем, что западная церковь преодолела внутренний раскол. Далее он сообщал о пребывании на Западе своего посланника Мануила Хрисолоры, что выглядело как наделение его официальными полномочиями для возможного контакта с папой. В конце автор выражал желание отправить к понтифику еще одного посла – Иоанна Хрисолору.

Надо признать, что письмо являлось образцом того дипломатического языка, смысл которого прочитывается между строк. Во-первых, подлинной причиной его появления едва ли могло быть избрание нового папы, которое преподносилось как завершение латинской схизмы. Конец ее после Пизанского собора вовсе не наступил. Во-вторых, указание на Мануила Хрисолору, который уже два года курсировал по Западной Европе, выглядит как намек императора на то, что папа при необходимости может пригласить его к себе. Но о цели возможного вызова ничего сказано не было. Наконец, миссия второго дипломата и вовсе выглядит странно. Ничего не говорилось о стоящей перед ним задаче. Более того, решение о его направлении на переговоры император, по его собственным словам, лишь готовился принять. Следовательно, для того чтобы его мандат начал действовать, требовались некие условия, и в Византии не сомневались, что папе о них известно.

Примерно в это же время еще одно обращение императора было направлено в Венецию³². Правитель сообщал о начавшейся

³⁰ *Kastritsis D. J.* The Sons of Bayezid: Empire Building and Representation in the Ottoman Civil War of 1402–1413. Leiden ; Boston, 2007. P. 130–131.

³¹ См. сноску 19.

³² *Dölger F.* Regesten der Kaiserurkunden... Bd. 5. № 3327; *Jorga N.* Notes et extraits pour servir a l'histoire des Croisades au XVe siècle // *Revue de l'Orient Latin.* 1896. T. 4. P. 311–312; *Kastritsis D. J.* The Sons of Bayezid... P. 145; *Matschke K.-P.* Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz. Studien zur spätbyzantinischen Geschichte zwischen 1402 und 1422. Weimar, 1982. S. 94.

среди османов междоусобице и предлагал воспользоваться ею ради спасения империи. Для достижения заявленной цели у республики запрашивались восемь галер, которые вместе с двумя византийскими следовало направить в проливы, чтобы перекрыть их. Как далее писал император, подобная просьба была обращена и к другим христианским государям. По его словам, в случае отсутствия реакции с их стороны он будет вынужден договориться с турками. Настоящий смысл послания и здесь скрыт в деталях настолько, что его невозможно понять вне исторического контекста. Как видно, представленная идея военной операции напоминает то, что годом ранее венецианцам уже предлагал Сигизмунд, вплоть до количества венецианских кораблей. Ссылка на неназванных государей явно указывала на самого венгерского короля. Если в Византии знали о его проектах, то не могли не знать о реакции Венеции, которая их отклонила. Однако имелось принципиальное отличие: император не ставил задачу захватить цитадель на Дарданеллах Галлиполи, а ограничивался в своих предложениях только блокадой проливов. Такая мера никак не могла привести к разгрому турок даже в Европе. Но самое главное состоит в другом. Византийский правитель прогнозировал два варианта развития ситуации, но в каждом из них просматривается одинаковый финал. В случае отсутствия положительной реакции на свою инициативу автор послания давал понять, что будет вынужден один вести переговоры с турками. Но что должно было последовать, если бы его предложение было принято?

Действия, направленные лишь на закрытие проливов и не предполагавшие захват Галлиполи, в перспективе тоже вели к договору с османами, а в итоге – к восстановлению докризисного состояния. Разница была в том, что при одном сценарии сначала возникал договор императора с предводителем турок. Через Константинополь и Галлиполи, как и прежде, он обеспечивал бы контроль над проливами. Гарантии византийского нейтралитета могли превратить такой договор в фундамент коллективного соглашения, основанного на опыте 1403 г. В другом варианте, который и предлагал реализовать правитель Византии, турецко-византийский альянс стал бы не причиной, а закономерным следствием предварительной договоренности Константинополя с западными государствами. Какие государства имелись в виду,

император мог не писать открытым текстом. Речь, конечно же, шла о Венеции и венгерской короне.

Отныне проблемой, над которой начинала трудиться византийская дипломатия, становился вопрос урегулирования отношений между Венецией и королем Сигизмундом. Путь к нему лежал одновременно на Востоке и на Западе. В первом случае следовало уравновесить интересы морской республики и Венгрии. Здесь роль посредника ложилась на византийского императора. Способом решения вопроса была новая версия договора 1403 г. с включением в него венгерского короля. Центральным стержнем договора, как и прежде, оставался бы турецко-византийский союз, нейтральный в отношении западнохристианских участников соглашения. Второй регулирующий механизм рождался в плоскости, где пересекались интересы Венецианской республики и Священной Римской империи. Перед Империей после Пизанского собора вырисовывалась альтернатива: либо соблюдать нейтралитет Милана и принять роль Венеции как связующего звена между папой и короной, либо – ради сохранения Далмации за венгерским королем – идти на столкновение с морской республикой. На итальянском направлении все решали отношения короля с «пизанским» папой. Задача обретения императорской короны вынуждала Сигизмунда признать его. Все упиралось в вопрос о том, даст ли понтифик согласие на коронацию и призовет его к походу на Рим, если сначала Сигизмунд договорится с Венецией, или же без этого условия. Так как только Венеция могла беспрепятственно пропустить Люксембурга в Италию, то второй вариант означал неминуемое столкновение с республикой.

Если на Востоке роль посредника в зарождающемся кризисе выпадала византийскому императору, то на Западе – провозглашенному на Пизанском соборе папе. Для выстраивания прочного регулирующего механизма требовалось связать их между собой. Инструментом запуска такого механизма и могла стать церковная уния. Поэтому-то одновременно с обращением византийского императора к Венеции, где излагался план действий в условиях турецкой междоусобицы, из Константинополя и был отправлен загадочный сигнал папе Александру V. Император намекал на какие-то условия, при которых он смог бы отправить к понтифику Иоанна Хрисолору. Присутствие этого посла в Болонье,

где располагалась курия, зафиксировано в феврале 1410 г.³³ Однако условия для исполнения его дипломатической миссии, связанной с папой, в тот момент еще не наступили. Перед прибытием в Болонью, скорее всего, он же доставил императорское послание в Венецию. Не исключен и его контакт с венгерским королем, если учесть, что император прямо намекал на посвящение последнего в свой план. Но в чем заключалась цель визита Иоанна Хрисолоры к папе? Ключ к ответу можно найти в том же послании императора понтифику – в упоминании там старшего Хрисолоры, который выехал на Запад еще в 1407 г. Маршруты его перемещений хорошо изучены. В 1408 г. Мануил посещал Париж, затем – Лондон. В конце 1409 г. он через Тулузу следовал в Испанию и, значит, снова находился проездом во Франции³⁴. Примерно в это же время там произошло событие, которое трудно назвать случайным. Именно оно и могло вызвать реакцию императора, которой явилось его послание к «пизанскому» папе от 25 декабря 1409 г.

Этим событием было выступление ректора Парижского университета Жана Жерсона с речью перед французским королем Карлом VI (1380–1422). Центральная идея выступления заключалась в том, что успех Пизанского собора, якобы победившего схизму в латинской церкви, теперь открывает дорогу к примирению между латинянами и греками³⁵. Речь Жерсона могла иметь скрытый смысл и, скорее всего, была инспирирована недавно избранным папой. Даже если Хрисолора лично не присутствовал при ней, она способна была сыграть роль неофициального приглашения к контакту восточного императора, ответ которого не заставил себя ждать. После известной реакции из Константинополя понтифик был вправе обратиться к Мануилу Хрисолоре. Достаточно было объявить ему, что тема, прозвучавшая на выступлении в Париже, достойна внимания и потому папа будет рад услышать мнение о ней правителя ромеев. С того момента обе стороны начинали работать над тем, чтобы выступить посредниками между Люксембургом и Венецией. Папа был заинтересован в этом не меньше

³³ *Thorn-Wickert L.* Manuel Chrysoloras... S. 81.

³⁴ *Ibid.* S. 79.

³⁵ *Monnoyeur J.-B.* Sermon du Chancelier Jean Gerson pour le retour des Grecs à l'Unité // *Irenikon.* 1929. Vol. 6. P. 721–766.

византийцев. Только прочный мир между Сигизмундом и морской республикой мог обеспечить понтифику мир и признание со стороны Неаполя. Следовательно, прежде чем Хрисолора мог отправиться к папе, король должен был со своей стороны продемонстрировать готовность к переговорам. Этому же момента ждал в Болонье младший Хрисолора – Иоанн. Общая цель объединяла, таким образом, проповедь Жерсона в Париже, загадочное послание восточного императора к понтифику и, наконец, его же обращение к Венеции. На последнее сенат в феврале 1410 г. ответил, что позиция республики должна быть аналогична действиям других христианских государей³⁶. Конечно, подобная формулировка указывала на Люксембурга.

В результате согласованных действий папы и византийского императора могла родиться сбалансированная система отношений. На Западе она предусматривала, с одной стороны, договор понтифика с римским королем, место которого предстояло занять Сигизмунду. С другой стороны, папу должен был связать договор с Венецией. В первом случае папа гарантировал королю право на императорскую корону. Тем самым обеспечивалась связь Империи с Италией, исключая в ее интересах французское проникновение вглубь страны. Во втором случае папа гарантировал бы Венеции, что его согласие на получение Люксембургом короны возможно лишь при соблюдении им нейтралитета Милана и Неаполя. В свою очередь понтифик мог выполнить свою функцию связующего звена между Венецией и Империей лишь при одновременном соглашении морской республики с венгерской короной на Востоке. Здесь фундаментальным принципом должен был стать союзный договор византийского императора с турецким султаном, скрепленный нейтралитетом латинских государств и Византии по отношению друг к другу. Потому-то прямой договор между ними был исключен, и от лица этих государств в отношениях с Византией выступал римский понтифик. Формой выражения взаимного доверия между ними становилась церковная уния. Правителю в Константинополе она обеспечила бы мир на принципах турецко-византийского дуализма, а папе – прочное и независимое положение в политической системе Италии.

³⁶ *Régestes des délibérations du sénat de Venise concernant la Romanie* / ed. F. Thiriet. Paris, 1959. T. 2. № 1362.

Дипломатический механизм, способный запустить переговоры, был очень тонко продуман. Действительно, после сигнальной речи, произнесенной в Париже, Сигизмунд получил повод поднять вопрос о воссоединении церквей на официальном уровне. Теперь требовался любой формальный предлог для трехсторонней встречи с участием папы, византийцев и посланника венгерского короля. Во время встречи последний был вправе обратиться к Мануилу Хрисолоре с вопросом: существует ли мнение греческого императора в связи с тем, что прозвучало в выступлении Жерсона? Вопрос мог быть тем более не лишен смысла, если византиец на самом деле лично слушал публичную речь ректора. Не наделенный никакими полномочиями по такому предмету дипломат мог бы ответить, что он готов узнать точку зрения своего правителя, но будет лучше, если король чем-то подтвердит свою заинтересованность в дружбе с ним. В результате подобного заявления возникал законный повод для выступления второго посла – Иоанна, на руках у которого был план императора, предусматривающий согласованные действия христианских государств – Византии, Венеции и Венгрии – по отношению к туркам. Ответ республики был к тому моменту известен. В случае согласия с ним Люксембург мог обратиться уже к понтифику с предложением инициировать переговоры о церковной унии с Востоком. Сам факт такого обращения расценивался бы как «долгожданное» признание с его стороны «пизанского» папы. Тот в свою очередь обещал бы Сигизмунду свое содействие в избрании его римским королем и гарантировал императорскую корону в обмен на обязательства Люксембурга в новом статусе перед Венецией. Завершающим актом стало бы поручение Иоанну Хрисолоре доставить в Константинополь предложение понтифика о переговорах между двумя церквями.

Изложенный выше сценарий в первую очередь обеспечивал процедуру взаимного признания венгерского короля и папы. Затем он объединял в общий переговорный формат пять субъектов: императора Византии, папу, Венецианскую республику и Сигизмунда Люксембурга, представлявшего венгерскую корону и готовившегося возглавить Империю. Целью переговоров было соглашение трех последних из названных сторон, тогда как первые две выполняли посредническую роль: Византия – между

Венецией и Венгрией, папа – между Венецией и Империей. Запускаемый переговорный процесс должен был связать всех его участников взаимными гарантиями, где обязательным условием был нейтралитет посредников в отношении друг друга и каждого из них в отношении других сторон. От папы этот принцип требовал, чтобы лишь при наличии соглашения между Венецией и Сигизмундом последний был вправе претендовать на императорскую корону. В отсутствие нейтралитета папы либо король оказался бы перед коалицией понтифика с Венецией, лишаящей его возможности защитить интересы Империи в Италии, либо Венеция рисковала получить ситуацию, при которой альянс папы и короля провоцировал бы последнего на войну с ней или с Миланом. В случае с Византией принцип нейтралитета не просто исключал возможность ее вступления в любые коалиции против турок на стороне Запада. Здесь это правило превращалось в требование коллективного нейтралитета латинских государств по отношению к самим туркам, с правителем которых Византия могла быть связана союзным или вассальным договором. Война кого-либо с османами была равносильна покушению на нейтральный статус Константинополя. А потому в систему, которую пытался выстроить византийский император, принципиально не вписывалась никакая военная помощь Запада. За обильной риторикой, взывающей о такой помощи, скрывались принципы реальной дипломатии, преследующей скрытую цель под маской декларируемой. С этой точки зрения, церковная уния для Византии была средством не вызвать крестовый поход против турок, а предотвратить его.

Уния, понимаемая как инструмент дипломатического посредничества, делала переговорный процесс намного более важным, чем сама провозглашаемая цель. Действительно, реальное ее достижение фактически способно было превратить посредников в союзников по отношению друг к другу, чем нарушался принцип их взаимного нейтралитета. Тогда из остальных участников процесса – Венеции, венгерской короны и Империи – в стратегическом выигрыше оказывался бы тот, чьим интересам этот союз служил. Именно на это будет похож результат Флорентийского собора. Однако то, что произойдет в 1438–1439 гг., скорее всего, не было предусмотрено тремя десятилетиями ранее, когда уния

только задумывалась в качестве механизма посредничества. В ее истоках раскрывается настоящий смысл слов, которыми напутствовал император Мануил II Палеолог своего преемника Иоанна VIII (1425–1448): усердно вести переговоры с латинянами о церковной унии, но никогда не заключать ее³⁷. Византийский историк Георгий Сфрандзи, записавший эти слова, абсолютно точно передал подлинную цель всего проекта.

Впрочем, едва ли следует считать состоявшийся вслед за этим итог Флорентийского собора дипломатическим поражением Византии. Во-первых, за предшествующий период использование церковной унии как инструмента переговоров уже успело сыграть немалую роль. Византийцам, несмотря на критические условия, удалось пережить два нападения на свою столицу – в 1411 г. и в 1421 г. Во-вторых, в данном ракурсе иначе можно посмотреть на судьбу самой Флорентийской унии. В том, что она не получила практического воплощения и не реализовалась в форме западной помощи, был признак не провала, а блестящего политического маневра Византии. Именно этой помощи греки избежали и вернули себе нейтральный статус, когда после возвращения из Флоренции фактически отыграли ситуацию назад. Так они вернули вопрос об унии из стадии едва достигнутого результата обратно в стадию переговоров, точно следуя политическому завещанию императора Мануила II.

Теперь остается восстановить канву событий, в ходе которых тема церковной унии вошла в отношения между Византией и Западом. Как уже ясно, начиная с февраля 1410 г., после того как Венеция отреагировала на предложение Константинополя по ситуации на Востоке, следовало ожидать выхода короля Сигизмунда на контакт с «пизанским» папой и одновременно – с Византией. Предполагаемый сценарий переговоров, на который рассчитывали греки, был разобран выше. Именно такими представляются истоки встречи, состоявшейся в Болонье в июне 1410 г. Прибывший из Константинополя Иоанн Хрисолора находился здесь уже несколько месяцев. На место «пизанского» понтифика Александра V, внезапно скончавшегося 3 мая, заступил один из его бывших кардиналов Бальтазар Косса, принявший имя Иоанна XXIII. Точная дата прибытия Мануила Хрисолоры

³⁷ Georgii Sphrantzae Chronicon / ed. R. Maisano. Roma, 1990. XXIII, 5–6. P. 82–83.

неизвестна, но исследователи его биографии склонны считать, что он застал уже нового папу³⁸. К тому же смысл его приезда в резиденцию понтифика появлялся не ранее, чем был решен вопрос о направлении туда же представителя венгерского двора.

Процесс подготовки встречи, по всей видимости, стартовал с мая 1410 г., когда союзники «пизанского» папы отвоевали Рим у Владислава Дураццо. С этого момента можно было выводить на сцену венгерского короля в качестве будущего кандидата на императорскую корону. Требовались лишь формальные основания для открытия диалога Люксембурга с потенциальными посредниками между ним и Венецией. Контакт его с папой был осуществлен через Флоренцию. Последняя обратилась к понтифику с просьбой подтвердить за Сигизмундом титул короля Венгрии³⁹. Повод был безупречным, так как этот титул оспаривался у него правителем Неаполя. Потому выехавший из Венгрии флорентиец Филиппо дельи Сколари (Пиппо Спано) официально был уполномочен на этот визит не самим Сигизмундом, а именно Флоренцией, что косвенно указывает на ее закулисную роль в текущих событиях. Влияние Флоренции прослеживается в это время и в истории избрания Иоанна XXIII с последующим отвоением Рима у неаполитанского монарха⁴⁰.

Если повод для опосредованного контакта короля с папой создала Флоренция, то предлог для его переговоров с греками, по-видимому, те создали сами. Именно так можно объяснить весьма странную историю атаки византийцев на Галлиполи, произошедшей в мае 1410 г. Как считается, в результате высадки десанта турецкий гарнизон этой морской крепости на какое-то время оказался в осаде. Данный эпизод легко принять за отчаянную и неудачную попытку отбить у турок стратегически важную цитадель на Дарданеллах. Однако многое в нем говорит о том, что такая цель не ставилась, а имела место лишь ее имитация⁴¹. Помимо некоторых характерных деталей, на это в первую очередь указывает

³⁸ *Thorn-Wickert L. Manuel Chrysoloras...* S. 82.

³⁹ ACC. Bd. 1. № 22. S. 93–98.

⁴⁰ *Brandmüller W. Papst und Konzil im Grossen Schisma (1378–1431). Studien und Quellen.* Paderborn, 1990. S. 71–84.

⁴¹ *Пашкин Н. Г. К вопросу о цели византийской атаки на Галлиполи 1410 г. // АДСВ. 2020. Т. 48. С. 156–171.*

международно-политический контекст. Уместно напомнить, что византийский план, переданный Венеции несколькими месяцами ранее, явно не случайно не затрагивал вопрос о Галлиполи. Атака же произошла в момент, когда греки совместно с папой готовились связать Венецию и Люксембурга. Скорее всего, предпринятая акция, как только о ней стало известно при дворе Сигизмунда, явилась последним побудительным мотивом, обусловившим немедленный отъезд из Венгрии королевского агента Сколари. После краткой остановки во Флоренции, организовавшей визит к папе, он прибыл в Болонью, где Иоанн XXIII уже ожидал его вместе с двумя византийскими дипломатами. Здесь история вокруг Галлиполи приобретала еще одно значение. Даже смутные сведения о ней попросту вынуждали прибывшего итальянца обратиться к присутствующим грекам от имени короля. У последнего появлялся мотив поднять перед ними вопрос о церковной унии в расчете на то, что с их стороны последует ответное предложение союза против турок. Можно допустить, что именно ответ византийцев предопределил итоги и последствия болонской встречи. Вместо борьбы с турками те должны были предложить Люксембургу соглашение с Венецией, подразумевающее урегулирование по Далмации и мир с османами, скрепленный договором византийского императора с одним из их лидеров. Сорвать этот сценарий мог лишь отказ Сигизмунда.

30 июня папа выдал Иоанну Хрисолоре грамоту о направлении дипломата обратно в Константинополь⁴². Факт его возвращения с ответом понтифика летом 1410 г. засвидетельствован в сочинении Сильвестра Сиропула⁴³. Хотя этот документ не сохранился, смысл ответа, содержавшегося в нем, поддается разгадке. Папа имел возможность, ссылаясь на инициативу венгерского короля, выразить положительное отношение к идее церковной унии и сообщить императору, что если тот проявит интерес к ней, то при возникновении благоприятных условий понтифик будет готов принять посланника с Востока. Подобный смысл вполне соответствует череде дальнейших событий. Действительно, при

⁴² ACC. Bd. 1. S. 234.

⁴³ Сиропул лишь перепутал Иоанна с Мануилом: Les "Mémoires" du grand ecclesiarque de l'Eglise de Constantinople Sylvestre Syropulos sur le Concile de Florence (1438–1439) / ed. V. Laurent. Rome, 1971. II, 7. P. 108, 10–13.

наступлении предполагаемых условий папа должен был вновь подать какой-то узнаваемый сигнал. Чтобы принять его, кто-то из византийцев должен был оставаться на Западе. Эта задача легла на Мануила Хрисолору. Ожидаемый сигнал последовал примерно через полгода. Вероятно, с ним же был связан новый поворот в политической биографии Люксембурга.

В августе 1410 г. Иоанн XXIII опубликовал акт признания Сигизмунда законным обладателем венгерской короны⁴⁴. Таков был единственный результат переговоров с флорентийским посредником в Болонье. От Люксембурга, однако, ответного признания «пизанского» папы по-прежнему не было. Несмотря на это, понтификом были предприняты попытки установить контакт с признавшими Пизанский собор немецкими курфюрстами. Рассматривался вопрос о возможности избрания Сигизмунда римским королем⁴⁵. В одностороннем порядке папа стремился сделать его своим союзником. Но произошло нечто, на первый взгляд, труднообъяснимое. Еще в мае 1410 г., через несколько дней после начала понтификата Иоанна XXIII, скончался король Рупрехт III Пфальцкий, возглавлявший в Германии лагерь сторонников «итальянского» антипапы Григория XII. По понятным причинам его партия не признавала права на римскую корону, которые были отданы на Пизанском соборе династии Люксембургов. Однако выборы преемника Рупрехта III затягивались, а неожиданным итогом их стало то, что в сентябре 1410 г. именно этой группой курфюрстов римским королем заочно был избран Сигизмунд, несмотря на его династическую принадлежность. В ответ в противоположном лагере титул римского короля был вручен кузену Сигизмунда – маркграфу Моравии Йосту. Тот будет носить его до своей кончины в январе 1411 г. Отказ от титула в его пользу со стороны Венцеля Люксембурга не был задекларирован, но надо иметь в виду, что время, отпущенное ему на Пизанском соборе для похода на Рим, истекло. Теоретически он был уже не вправе претендовать на императорскую корону. Продолжением интриги стал и тот факт, что Сигизмунд не только не оспаривал

⁴⁴ *Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia* / ed. A. Theiner. Roma, 1859. Vol. 2. № 365. P. 186–187.

⁴⁵ *Göller E. König Sigismunds Kirchenpolitik...* S. 76–78.

выборы Йоста, но и не демонстрировал никакой официальной реакции на собственное избрание.

События, происходившие в Германии, имеют только одно объяснение. Оно заключается в том, что лагерь антипапы Григория XII провозгласил Люксембурга римским королем, выдвинув условие, которое требовало от него вернуть под управление Империи Милан⁴⁶. В этом условии нетрудно усмотреть попытку давления на Венецию при помощи угрозы похода короля в Ломбардию. Такой поход, который в реальности состоится чуть позже⁴⁷, грозил созданием враждебной для республики оси, пронизывающей Италию насквозь через Милан и Рим вплоть до Неаполя. Вероятность подобного сценария вынуждала и «пизанского» папу опасаться, что в ответ последует попытка неаполитанца Владислава восстановить контроль над Римом. В результате с осени 1410 г. интересы Иоанна XXIII и Венеции совпадали в том, чтобы вернуть Сигизмунда в переговорный процесс. Понтифик должен был вновь подать сигнал, открывающий путь к повторной встрече с участием византийцев.

По-видимому, этот сигнал мы снова обнаруживаем в Париже. В декабре 1410 г. представители понтифика сделали там публичное заявление о том, что уния между латинянами и греками является достойной целью, которая когда-нибудь, возможно, будет достигнута⁴⁸. Формально все выглядело как ни к чему не обязывающая реакция на речь Жерсона, прозвучавшую годом ранее. Но, как и в первом случае, результатом явился старт переговоров. Уже в следующем месяце Сигизмунд официально подтвердил факт своего сентябрьского избрания римским королем⁴⁹. Тем самым, вступив в роль претендента на императорскую корону, он создал повод для контакта с папой. Во второй половине февраля 1411 г. флорентиец Филиппо дельи Сколари снова прибыл в Болонью. Здесь в присутствии понтифика начались его переговоры

⁴⁶ *Hoensch K. J. Kaiser Sigismund. Herrscher an der Schwelle zur Neuzeit 1368–1437. München, 1996. S. 150–151.*

⁴⁷ *Schiff O. König Sigmunds italienische Politik bis zur Romfahrt (1410–1431). Frankfurt/M., 1909. S. 31–41.*

⁴⁸ ACC. Bd. 1. S. 234. Anm. 3.

⁴⁹ *Regesta Imperii XI: Die Urkunden Kaiser Sigmunds (1410–1437) / Hrsg. W. Altmann. Innsbruck, 1896–1897. Bd. 1. № 14.*

с посольством из Венеции⁵⁰. Рядом с курией находился Мануил Хрисолора⁵¹, но есть сведения, что там же в это время мог во второй раз появиться его племянник Иоанн⁵². Сигнал, опять прозвучавший в Париже, действительно должен был вернуть византийского дипломата в папскую резиденцию.

Повторную встречу в Болонье, по-видимому, следует рассматривать в связке с событиями на Востоке. За несколько дней до ее начала произошел неожиданный поворот в османской междоусобице. В результате удачного набега Мусы на Адрианополь его соперник Сулейман, считавшийся союзником Византии, был вынужден бежать, но 17 февраля был убит по дороге в Константинополь. Сведения в источниках об обстоятельствах его гибели весьма противоречивы⁵³. Можно выдвинуть предположение, что судьба Сулеймана была предопределена в канун очередных переговоров на Западе. В том случае, если бы Венеция и Сигизмунд при посредничестве папы и Византии пришли к соглашению, то один из двух турецких лидеров в Румелии должен был сойти со сцены, а другой – вступить в договор с императором.

Однако переговоры в Италии в очередной раз не принесли положительных результатов. Посол Сигизмунда отверг все доводы венецианской дипломатии. В марте Сколари покинул Болонью, после чего кризис начал стремительно набирать обороты. С одной стороны, в отсутствие соглашения между Венецией и венгерской короной возникала угроза Константинополю, создаваемая турками. С другой стороны, отсутствие договора между Венецией и римской короной в лице того же Люксембурга било по интересам папы, у которого не было никаких гарантий, защищающих его от Неаполя. В апреле 1411 г. Иоанн XXIII наконец-таки принял решение перенести свою резиденцию в Рим. Но с этого же момента он автоматически начинал играть роль потенциального союзника Сигизмунда. Для него это было единственное средство сдержать угрозу, исходившую от Владислава Дураццо. Поэтому сразу после возвращения в Рим папой

⁵⁰ *Wakouning M.* Dalmatien und Friaul... S. 70.

⁵¹ *Thorn-Wickert L.* Manuel Chrysoloras... S. 83–84.

⁵² ACC. Bd. 1. S. 234. Anm. 2.

⁵³ *Kastritsis P.* The Sons of Bayezid... P. 153–158.

было объявлено о созыве через год церковного собора⁵⁴. Фактически его следовало рассматривать как место будущей встречи для вручения Люксембургу императорской короны. Собор же был и идеальным форумом для объявления крестового похода. А потому там же разумнее всего было провести переговоры о союзе с греками.

Вскоре после переезда папской курии в Рим последовало знаковое событие за Альпами. 21 июля 1411 г. состоялось второе избрание Сигизмунда римским королем. Теперь в этом статусе его провозгласила группа курфюрстов из «пизанского» церковного лагеря⁵⁵. Основа для взаимного признания друг другом Сигизмунда и папы была заложена. Венеция же должна была увидеть в этом тревожную для нее перспективу близкого похода короля в Италию. Республика по-своему реагировала на посылаемые вызовы. Ее беспокоил не только гипотетический альянс Люксембурга с папой, до которого оставался один шаг. Венеция всерьез могла опасаться, что Сигизмунд все-таки сумеет сделать Византию своим союзником на Востоке, навязав ей коалицию против турок. Так можно объяснить причину, по которой в апреле 1411 г., когда стало известно о намерении папы переехать в Рим, венецианский сенат рассматривал возможность взятия под контроль Галлиполи⁵⁶. Однако этот путь был отброшен. В действительности венецианцам было выгоднее вести свою игру чужими руками. Не случайно летом 1411 г. Муса Челеби обрушился на Византию. Последующие события, приведшие к окончательному закреплению за Сигизмундом титула римского короля, могли только утвердить выбор морской республикой политического курса в отношениях с турками. В июне 1411 г. сенат направил посольство для переговоров с Мусой⁵⁷. Предварительный договор, по которому Венеция признала его власть в Румелии, был подписан 12 августа. Армия Мусы уже находилась под Константинополем⁵⁸. Наступал момент, вынуждавший императора к ответу, о возможности которого он и намекал еще в 1409 г.

⁵⁴ См. сноску 17.

⁵⁵ *Hoensch K. J. Kaiser Sigismund... S. 155–156.*

⁵⁶ *Jorga N. Notes et extraits... P. 509.*

⁵⁷ *Kastritsis P. The Sons of Bayezid... P. 172.*

⁵⁸ *Ibid. P. 177.*

Время для этого ответа, вероятнее всего, окончательно наступило осенью 1411 г. В сентябре Сигизмунд развязал войну с Венецией⁵⁹. Конфликт, начинавшийся как венгерско-венецианский, в течение двух лет после Пизанского собора был переформатирован в имперско-венецианский с военным театром на Апеннинском полуострове. Именно на рубеже лета и осени 1411 г., когда критическая точка в отношениях между Люксембургом и Венецией была пройдена, завязываются прямые контакты Византии с турецким правителем Анатолии – Мехмедом⁶⁰. Характерная закономерность просматривается в том, что император не пытался вслед за Венецией искать в какой-либо форме соглашения с Мусой. Но еще более показательным, что против него он не считал возможным союз с Люксембургом. Тем самым подтверждалась концепция политического курса Константинополя, целью которого был стратегический нейтралитет перед европейскими государствами. И этот нейтралитет следовало положить в основу турецко-византийского договора. После того как Венеция в одностороннем порядке заключила соглашение с Мусой, а затем началась война республики с Сигизмундом, шансы для Византии на совместное с Западом урегулирование ситуации на Востоке исчезли. Отныне византийский правитель, как он и предупреждал в самом начале турецкой междоусобицы, начал в одностороннем порядке договариваться с одним из лидеров в османском лагере. Этой фигурой для него стал Мехмед в силу его нейтралитета по отношению к вступившим в конфликт силам на Западе.

Однако и далее стратегия императора будет оставаться прежней, нацеленной на посредничество между латинскими государствами. Весь характер действий византийской дипломатии на следующем этапе, предшествующем Констанцскому собору, послужит тому подтверждением⁶¹. В этой стратегии церковная

⁵⁹ Об истории первого столкновения Сигизмунда с Венецией см.: *Пашкин Н. Г.* Средиземноморский вектор международных отношений в зеркале конфликта Сигизмунда Люксембурга с Венецией (1411–1413) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. URL: <https://history.jes.su/s207987840015139-1-1>; *Schiff O.* König Sigmunds italienische Politik... S. 4–31.

⁶⁰ *Kastritsis P.* The Sons of Bayezid... P. 178.

⁶¹ *Пашкин Н. Г.* Византия и Запад на пути к Констанцскому собору // АДСВ. 2021. Т. 49. С. 277–304.

уния, если и создавала иллюзию стремления византийцев к союзу с Западом против турок, в действительности никогда такую цель не преследовала. Напротив, попытки навязать Византии военно-политический союз исходили от самого Запада, а точнее сказать, от одного из игроков на его политическом поле. И только не становясь прямыми участниками ведущейся на нем игры, византийцы были в состоянии удерживать хрупкий мир с османами. Там же, где иллюзия построения союзных отношений грозила перерасти в реальность, она безжалостно отбрасывалась греками, отодвигавшими имитируемую цель на новую дистанцию. Флорентийский собор стал лишь вехой на этом пути, а не его драматическим финалом.

Проделанный анализ дает ответы на все вопросы, которые в самом начале были поставлены источником. Если принять новейшую точку зрения, письмо короля Сигизмунда в Константинополь, содержавшее предложение переговоров о церковной унии, появилось в первые месяцы 1412 г.⁶² Это был пик военного конфликта Люксембурга с Венецией. Из документа четко следует, что в тот момент решение об официальном признании Сигизмундом «пизанского» папы было принято и оглашено. Сам факт такого признания служил с его стороны формой выражения претензий на получение императорской короны от Иоанна XXIII. В случае их подтверждения понтификом узаконивался поход Сигизмунда на Рим. В складывающейся ситуации король, как и папа, действительно нуждались в том, чтобы на церковном соборе, открывшемся в апреле 1412 г., появились византийские послы. Союз с Византией стал бы в руках Люксембурга сильнейшим средством принуждения Венеции к миру на почетных условиях, включавших в себя, как нетрудно предположить, присоединение морской республики к коалиции участников крестового похода. На то же самое должен был надеяться и папа, которому было необходимо урегулирование конфликта. В противном случае он продолжал бы и дальше находиться под дамокловым мечом неаполитанского правителя. Правда, до получения ответа из Константинополя для Иоанна XXIII было преждевременно открыто выступать на стороне Люксембурга. Поэтому-то приглашение греков на переговоры исходило не от понтифика, а от

⁶² См. сноску 4.

короля. Как показали дальнейшие события, опасения не получить положительную реакцию с Востока полностью подтвердились.

Послание Люксембурга византийскому императору действительно не могло быть ответом на просьбу о помощи против турок. Более того, опыт двух встреч в Болонье продемонстрировал Сигизмунду, что война с османами в союзе с Западом не входит в планы Константинополя. Находит объяснение и загадочный повод, позволивший королю приписать правителю Византии благожелательное отношение к идее церковной унии. Косвенное основание для этого создали папа и император ромеев: первый – двумя декларациями в Париже, а другой – дипломатическими визитами в Болонью, которые внешне выглядели как реакция на это, но официально ни к чему не обязывающая. Наконец, статус Мануила Хрисолоры в тексте документа вызывает вполне обоснованные сомнения. После начавшегося на Западе конфликта византиец, скорее всего, уже не располагал официальными посольскими полномочиями, которыми император наделил его перед папой в декабре 1409 г. Тем самым правитель на Востоке четко давал понять, что в новой обстановке сама возможность переговоров временно закрыта. Открыть ее вновь он мог только после достижения мира на Западе.

REFERENCES

Altmann, W. (Ed.). (1896–1897). *Regesta Imperii XI: Die Urkunden Kaiser Sigmunds (1410–1437)* (Vol. 1). Innsbruck: Wagner.

Beckmann, G. (1902). *Der Kampf Kaiser Sigmunds gegen die werdende Weltmacht der Osmanen*. Gotha: Perthes.

Brandmüller, W. (1990). *Papst und Konzil im Grossen Schisma (1378–1431). Studien und Quellen*. Paderborn: Schöningh.

Dennis, G. (1967). The Byzantine-Turkish Treaty of 1403. *Orientalia Christiana Periodica*, 33, 72–88.

Dölger, F. (1965). *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565 bis 1453* (Vol. 5). München; Berlin: C. H. Beck.

Finke, H. (Ed.). (1896). *Acta Concilii Constanciensis* (Vol. 1). Münster: Druck und Verlag der Regensburgschen Buchhandlung.

Gill, J. (1959). *The Concile of Florence*. Cambridge: University Press.

Girgensohn, D. (1996). *Kirche, Politik und adelige Regierung in der Republik Venedig zu Beginn des 15. Jahrhunderts* (Vol. 1). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Girgensohn, D. (2007). Von der konziliaren Theorie des späteren Mittelalters zur Praxis: Pisa 1409. *Vorträge und Forschungen*, 67: *Die Konzilien von Pisa (1409), Konstanz (1414–1418) und Basel (1431–1449)*, 61–94.

- Göller, E. (1902). *König Sigismunds Kirchenpolitik vom Tode Bonifaz' IX bis zur Berufung des Konstanzer Konzils (1404–1413)*. Freiburg/Br.: Charitas-Druckerei.
- Hoensch, K. J. (1996). *Kaiser Sigismund. Herrscher an der Schwelle zur Neuzeit 1368–1437*. München: C. H. Beck.
- Hofmann, G. (Ed.). (1946). *Epistolae pontificiae ad concilium Florentinum spectantes* (Vol. 1). Rome: Pontificium institutum orientalium studiorum.
- Jorga, N. (1896). Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. *Revue de l'Orient Latin*, 4, 25–118, 226–320, 503–622.
- Kastritsis, D. J. (2007). *The Sons of Bayezid: Empire Building and Representation in the Ottoman Civil War of 1402–1413*. Leiden; Boston: Brill.
- Kolditz, S. (2017). Byzanz und das Konstanzer Konzil (1414–1418). Beobachtungen zur griechischen Präsenz und zur vorkonziliaren Korrespondenz Sigismunds und Manuels II. *Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik*, 67, 43–64.
- Laurent, V. (Ed.). (1971). *Les "Mémoires" du grand ecclesiarque de l'Eglise de Constantinople Sylvestre Syropoulos sur le Concile de Florence (1438–1439)*. Rome: Pontificium institutum orientalium studiorum.
- Leidl, A. (1966). *Die Einheit der Kirchen auf den spätmittelalterlichen Konzilien: von Konstanz bis Florenz*. Paderborn: Schöningh.
- Lubić, S. (Ed.). (1875). *Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium* (Vol. 5). Zagreb: Apud Leopold Hartman.
- Maisano, R. (Ed.). (1990). *Georgii Sphrantzae Chronicon*. Roma: Accademia nazionale dei lincei.
- Matschke, K.-P. (1982). *Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz. Studien zur spätbyzantinischen Geschichte zwischen 1402 und 1422*. Weimar: Böhlau Verlag.
- Monnoyeur, J.-B. (1929). Sermon du Chancelier Jean Gerson pour le retour des Grecs à l'Unite. *Irenikon*, 6, 721–766.
- Pashkin, N. G. (2007). *Vizantiia v evropeiskoi politike pervoi poloviny XV v. (1402–1438)* [Byzantium in the European Politics of the First Half of the Fifteenth Century (1402–1438)]. Ekaterinburg: Ural University Press.
- Pashkin, N. G. (2020). K voprosu o tseli vizantiiskoi ataki na Gallipoli 1410 g. [Aims of the Byzantine Attack on Gallipoli in 1410]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 48, 156–171. <https://doi.org/10.15826/adsv.2020.48.010>
- Pashkin, N. G. (2021a). Sredizemnomorskii vektor mezhdunarodnykh otnoshenii v zerkale konflikta Sigizmunda Liuksemburga s Venetsiei (1411–1413) [Mediterranean Vector of International Relations in the Mirror of Sigismund of Luxembourg's Conflict with Venice (1411–1413)]. *Nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"*, 12. <https://doi.org/10.18254/S207987840015139-1>
- Pashkin, N. G. (2021b). Vizantiia i Zapad na puti k Konstantsskomu soboru [Byzantium and the West on the Way to the Council of Constance]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 49, 277–304. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.018>
- Schiff, O. (1909). *König Sigmunds italienische Politik bis zur Romfahrt (1410–1431)*. Frankfurt/M: J. Baer & Co.
- Simonsfeld, H. (1893). Analekten zur Papst- und Konziliengeschichte im 14. und 15. Jahrhundert. *Abhandlungen der historischen Klasse der königlichen Bayerischen Akademie der Wissenschaften*, 20, 45–46.

У истоков Флорентийской унии

Theiner, A. (Ed.). (1859). *Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia* (Vol. 2). Roma: Typis Vaticanis.

Thiriet, F. (Ed.). (1959). *Régestes des délibérations du sénat de Venise concernant la Romanie* (Vol. 2). Paris: Mouton & Co.

Thorn-Wickert, L. (2006). *Manuel Chrysoloras. Eine Biographie des byzantinischen Intellektuellen vor dem Hintergrund der hellenistischen Studien in der italienischen Renaissance*. Frankfurt/M.: Lang.

Wakouning, M. (1990). *Dalmatien und Friaul. Die Auseinandersetzungen zwischen Sigismund von Luxemburg und der Republik Venedig um die Vorherrschaft im adriatischen Raum*. Wien: VWGÖ.

Weizsäcker, J. (Ed.). (1888). *Deutsche Reichstagsakten* (Vol. 6). Gotha: Friedrich Andreas Perthes.

Пашкин Николай Геннадьевич

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории Древнего мира
и Средних веков
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, ул. Ленина, 51
E-mail: ngpaschkin@yandex.ru

Pashkin, Nikolai Gennadievich

PhD (History), Associate Professor
Ancient and Mediaeval History
Department
Ural Federal University
51 Lenin Ave, Ekaterinburg, 620000,
Russia
Email: ngpaschkin@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0615-568X>